

МЕНЯ
ЗОВУТ
МИ

Анна Баршева

Bar

Анна Баршева

Меня зовут Ми

<https://litres.ru/74084576>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это небольшая повесть о маленькой девочке со странным именем Ми, которое она сама себе выбрала.

Это история не о весёлых приключениях, а скорее о взрослении, о том, как важно быть нужным, и что со стороны всё может казаться идеальным, в то время как как внутри...

Содержание

Имя	4
Секрет	10
Ким	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анна Баршева

Меня зовут Ми

Имя

Её звали Ми. Нет, в самом деле, как и у других детей у неё было полное и даже очень красивое имя - Милана. Родные нежно называли её Мила, друзья в шутку дразнили Милка. Но ей не нравилось это имя, и она в итоге сократила его до двух первых букв. Так, казалось оно приобретало сразу ауру загадочности, имея в глубине себя что-то музыкальное, что-то brutальное, что-то иное, отличное от мягкого, слащавого и какого-то даже робкого, по мнению девочки, Милана.

Ми казалось, что данное при рождении имя ей не подходит. Часто, лёжа перед сном в своей кровати, она фантазировала и примеряла к своему образу другие, более размашистые, витиеватые, необычные имена.

«Вот, если бы меня звали, к примеру, Ангелина, то я уже бы у ребят ассоциировалась с ангелом, или стражем, стоящим у ворот и стерегущем...» - рассуждала она - «хм... Что-то важное, тайное и большое. Или нет! Лучше бы меня называли Татьяной. Как у Пушкина. Не плохо же быть лирической героиней? Все тебе сочувствуют, все в тебя влюбляются. Письма опять же, пишут...»

Ми едва только исполнилось семь лет и в школу она ещё не ходила, но благодаря наличию старшей двоюродной сестры, которая жила с ними после смерти своих родителей, имела не малую осведомленность о программе школьной литературы за девятый класс.

«Хотя нет, лучше не Татьяной. Ведь придется этому кавалеру ещё ответное письмо писать. К тому же, мальчишки во дворе уж точно дразнили бы плаксой.» - Кивнула она сама себе, вспомнив соседских братьев Максимовых, Ваньку и Петьку, которые и без того её постоянно доставали и были бы только рады дразнить Ми стихами Агнии Барто.

«Лучше уж иметь простое имя, не вычурное, без лишних ассоциаций с известными личностями.» – Словарный запас у девочки был обширный, явно больше, чем у обычного ребёнка, и всё благодаря бабушке-филологу. – «Хорошо бы меня звали Машей, или Светой!»

Примерно такие мысли наполняли маленькую детскую головку каждый вечер перед сном. Но грустила она конечно зря, не видя, а вернее не имея возможности в полной мере оценить как имя Милана прекрасно сочеталось с её большими, яркими, цвета лесного мха глазами, длинными темными, загнутыми вверх ресницами, задорными, блестящими и вечно торчащими в разные стороны каштановыми кудряшками, а ещё с не до конца сошедшей ещё пухлостью её щёк, бледной кожей и веснушками. Она была хороша, собрав в себе лучшие черты обоих своих родителей, и став одновременно

не похожей ни на одного из них. Словом, она была истинная Милана. Но ведь совершенно некому было ей об этом сказать!

Потому как девочка родилась у своих родителей в тот самый момент, когда они молодые и ещё совсем не состоявшиеся в карьере только начинали свой путь во взрослой жизни. Папа только-только поступил в аспирантуру, а мама перешла на четвертый курс в своем Педагогическом институте. Потому, почти сразу после рождения, Ми была отдана на воспитание своей бабушке, Тамаре Николаевне, тому самому филологу на пенсии.

Женщиной она была строгой, и при этом ещё и очень занятой. Хотя она уже и не работала в институте, но подрабатывающей частным образом на дому. Потому, девочка, выйдя из младенческого возраста, часто была предоставлена сама себе. Ми часто надоедала своей старшей двоюродной сестре, Ленке. Младшей сестре очень нравилось имя старшей, и она любила смаковать его, часами произнося на разный манер, растягивая и удлинняя, от чего неизменно Ленка начинала закипать и злиться. И, конечно, выгонять Милану из своей комнаты. А Ми ведь делала так не со зла, ей просто казалось, что имя Лена звучит тягуче, как звук ручья или реки, и пыталась объяснить это сестре.

Ну а ещё более часто Ми капалась в бабушкиной библиотеке. Рано научившись читать, и не найдя особо много литературы, подходящей ей по возрасту, она принялась со-

вать свой любопытный носик в любое чтение, что попадалось под руку. В поисках какого-нибудь заковыристого, крепкого словечка девочка заглядывала во всевозможные словари с непонятными словами, дабы на утро наградить им Ваньку или Петьку. Читала Пушкина, когда ей было грустно, жадно выхватывая каждое «люблю», складывая его в свою личную копилку сердечных вздохов. Возможно, потребность в этом происходила от недостатка родительского внимания, которые редко появлялись в их доме, решая где-то далеко свои взрослые дела и строя карьеру.

Ми читала Зоценко, когда хотелось посмеяться, хотя и не понимала, где и почему это надо было делать в его произведениях. Было это просто потому, что она как-то услышала, как бабушка Тамара, или как ласково называла она её «баба Та», говорила своим подругам, что Зоценко это «развлекательная литература».

Ми заглядывала в книги иногда и просто так, от скуки и для развлечения, разговаривая с ними, задавая вопросы и неизменно получая ответы, раскрыв выбранную книгу наугад и ткнув пальчиком в первую попавшуюся строчку. Все эти книги и стали её друзьями. Они не оценивали девочку, не критиковали, учили, но мягко, трепетно, исключительно тогда, когда она этого желала, хватаясь за очередной старинный переплет.

Благо, что книг у бабы Та было много и все они были старыми, с историей. Девочке нравилось нюхать их, гладить по

корешкам и представлять, кому они могли принадлежать когда-то и где побывать. И пусть, что на самом деле «Три мушкетера» А. Дюма никогда и не лежали на полке в Париже, но ведь можно было представить, что книги этой касалась рука какой-нибудь знатной француженки. А это уже не мало!

Ми закрывала глаза, вдыхала аромат книги, непременно чихала от запаха пыли и терпких духов бабушки, которые давно заполонили библиотеку и впитались, казалось, в каждый дюйм этой небольшой комнаты, и непременно переносилась далеко-далеко в прошлое, видя и ощущая вокруг себя уже не старые стеллажи, большой дубовый стол с парой таких же стульев и тяжелые зеленые шторы, свисающие до полу, а бальный зал со свечами, прекрасных дам в пышных платьях, кружащихся в вальсе с кавалерами. Умм. Это была настоящая сказка! Эх, никакой Золушке, такое не снилось.

И девочка не грустила из-за своего такого странного детства, не до конца осознавая его неправильность и одиночество, и искренне считала, что ей очень повезло. Несмотря на то, что родители Ми так и не забрали, после обучения уехав за границу, они всё же часто звонили и даже пару раз приезжали. Да, конечно, девочка скучала, но как ни страшно это звучит, она привыкла. Ведь они всё же у Ми были, и она могла их, пусть и редко, но видеть. Ленке же, которая пять лет назад в результате авиакатастрофы в одночасье осталась сиротой, было гораздо хуже.

Сестра скучала по своим родителям. Ми это знала, хоть

они почти никогда и не говорили об этом, слышала как Ленка часто плакала, лёжа в своей комнате ночью, думая, что её никто не слышит. Но Ми слышала. Когда она была меньше, то часто приходила к Ленке, забиралась к ней под одеяло и крепко обнимала. И тоже начинала рыдать. Она тогда ещё не понимала причины огорчения сестры, но остро чувствовала её горе. И Лена не прогоняла девочку, а начинала утешать. И так они незаметно засыпали вдвоём, крепко прижавшись друг к другу.

Но однажды Ленка ей сказала: «Ты счастливая, Ми. Ты можешь обнять маму и папу, а я этого уже никогда не смогу». И вот тогда Ми всё поняла. А потом бабушка Та узнала об их совместном сне и запретила Ми тревожить Ленку по ночам. Строгая она была, баба Та.

Потому, Ми грех было жаловаться на свою жизнь. А имя? Имя же не навсегда, его и поменять можно. Она и выбрала себе другое. Сама, как взрослая, не дожидаясь даже возраста, когда меняют паспорт.

Секрет

Ми жила с бабушкой и двоюродной сестрой, в огромной четырехкомнатной квартире, каждая в своей комнате. Роскошь доступная далеко не всем. Ко всему у них был секрет. Их квартира располагалась на последнем этаже старинного трёхэтажного дома, когда-то принадлежащего какому-то купцу. А прямо над ними был чердак. Да не какой-нибудь маленький и простой, а самый что ни на есть необычный. И самое прекрасное, что он был их почти целиком и полностью.

Бабушка Та хранила там всё, что не помещалось в их квартире. Были там банки с соленьями и вареньем, чемодан со старинными, принадлежащими ещё прапрабабушке девочек платьями, коробка со старыми фотографиями, и, конечно, огромное количество книг. Летом там ещё дополнительно появлялась бельевая верёвка, на которой бабушка сушила белье, а еще грибы, яблоки, травы и ягоды.

Ленка с Ми любили забираться туда в жару, особенно если неожиданно начинал идти дождь, и сидеть там на старом выцветшем ковре, срывая с веревки дольки яблок, смачно ими хрустя, и глядя в круглое окно на улицу. Молча, каждая думая о своём. А иной раз они залезали туда чтобы просто поиграть – надевали старинные платья и шляпы, воображая себя сказочными принцессами, дурачились и смеялись. Де-

лали они это конечно в тайне от бабушки, хотя она обо всём и так узнавала, когда уменьшались её заготовки.

Но больше всего Ми любила приходить на чердак одна. Но об этом никто из домочадцев, конечно же, не знал. Делала она это под покровом ночи, когда все люди ложились спать, а дом, наоборот, оживал, наполняясь потусторонними звуками: скрипами, тресками, скрежетами. Девочка верила в то, что он живой и как истинный старикан недовольно бухтит и возмущается.

Первый раз одна она поднялась на чердак год назад. Бабушка Та за что-то рассердилась тогда на Ми и в наказание забрала любимый томик девочки со стихами Пушкина, унеся его на чердак. Конечно же, обещая его вернуть, когда Ми всё осознает и исправится. Но девочка не собиралась ждать так долго.

Она, конечно, легла в кровать, обиженно надув губы, зашла и стала ждать. И лишь когда обе стрелки на больших старинных часах с домиком и кукушкой застыли на цифре двенадцать, она наконец решилась попытать удачу. Ми сбросила с себя одеяло, надела подаренные мамой на день рождения мягкие тапки в виде акул (ни котиков, ни мишек она не любила, а других зверей в тот день в магазине не нашлось) и бесшумно вышла из комнаты.

Лестница на чердак располагалась прямо в их квартире. Она пряталась в небольшом закутке между её и Ленкиной комнатами. Когда-то давно дед девочек обыграл это место,

закрыв его от посторонних глаз дверцами от старого платяного шкафа. Там и в самом деле, под простой, сделанной из железных прочных прутьев лестницей, висела на перекладине на вешалках зимняя одежда. И незнающему, в первые оказавшемуся в гостях у них человеку и в голову не пришло бы, что там, в шкафу прячется лестница на чердак. Прямо как вход в Нарнию. Ми ухмыльнулась, ободренная этой мыслью, и рванула на себя ручку ненастоящего шкафа. Ей в нос сразу ударил запах влажности и легкий ветерок. Значит Ленка приходила вечером на чердак и оставила открытым окно.

Их город образовался много столетий назад на берегу большой, широкой реки, благодаря чему летом он превращался практически в курорт. Начиная уже с апреля, становилось тепло, цвели деревья, на набережной появлялись продовцы мороженого и прохладительных напитков со своими тележками, люди надевали яркие платья и пёстрые брюки. Ну чисто как на море, на котором Ми пока ещё никогда не была!

Дом их располагался не далеко от набережной и в ветренную погоду особенно при открытых окнах до них долетал запах реки и ощущение влажности и свежести. Тогда как раз был конец апреля и уже целыми днями радостно светило солнце, согревая всё вокруг, заставляя листья и цветы расти, а людей раздеваться.

Девочка задумалась - что могло понадобиться Ленке на чердаке одной вечером. Место для уединения у них в кварти-

ре как-никак было предостаточно. Всё-таки у каждого своя отдельная комната. Однако же Ми не осуждала. У всех свои секреты.

Девочка осторожно прикрыла за собой дверь, чтобы та не скрипнула, и стала подниматься по гудящей от чего-то лестнице. Она обычно не боялась такой музыкальности старого дома, но сейчас от чего-то было страшно. Возможно, от того, что ещё ни разу она не поднималась на чердак одна? А возможно, хоть она и не делала ничего предосудительного, но всё же не была уверена, что её не накажут за этот поступок, боялась быть пойманной на месте.

Ми медленно поднялась наверх, держась одной рукой за заботливо приделанные дедом с боку перила. Он много чего успел сделать в этом доме для своей любимой Тamarочки, прежде чем умер. В одночасье. Резко. Просто одним поговорим днём он лег спать и больше уже не проснулся. Во всяком случае так рассказывала баба Та. И было это так давно, ещё когда дочерям их не было и десяти лет. Поэтому бабушке пришлось стать такой сильной. Она тянула на себе дом, детей, а вот теперь ещё и их с Ленкой. Не специально, конечно, просто так получилось. Может потому она и стала такой строгой, бабушка Та?

Ми грустно вздохнула, вспоминая про дедушку, и осторожно толкнула старую, чуть влажную дверь, прячущую за собой ночной чердак. Та жалобно скрипнула и тихо отворилась, пропуская юную гостью вперёд. Девочка шагнула

внутри на деревянный скрипучий пол. Она уже давно выучила какие доски звучат особенно громко, а какие хранят молчание и потому ловко запрыгала по ним, словно играя в классики, приближаясь к окну. Не дойдя метра два до него, Ми осторожно приблизилась к стене слева от себя, прислонившись к которому стоял высокий, тёмный стеллаж, заставленный книгами. Осмотревшись, девочка поняла, что её томика Пушкина там не было. Ну, или бабушка его запрятала между других книг так, чтобы Ми не нашла сразу. И в такой темноте ей, конечно, ни за что не отыскать нужную книгу. Эх, жаль она не додумалась взять с собой фонарик!

Девочка бросила быстрый взгляд на маленький круглый столик с выдвижным ящичком посередине, стоявший у самого окна. Вздохнула. И решительно направилась к нему. Быть может бабушка спрятала книгу туда? Да, ящичек был маленький, но и книга тоже была небольшой. Из круглого, чуть приоткрытого окна прямо на стол лился лунный свет, выхватывая из темноты небольшой кусочек комнаты. В его лучах что-то двигалось – не то пылинки, не то какие-то ночные бабочки, почему-то облюбовавшие их чердак для своего ночного веселья.

Подойдя ближе Ми разглядела маленькие, серые в свете луны крылышки маленьких бабочек и невольно залюбовалась ими. Они казались ей нереальными, словно сон, из другого мира, указывающий на что-то, словно знак – вот здесь, прямо тут, тебя ждёт что-то... что-то очень важное, волшеб-

ное, что изменит всю твою жизнь. Ми моргнула, прогоняя наваждение.

Она не верила в чудеса. Перестала год назад после того, как три года подряд просила на новый год у деда Мороза, чтобы родители забрали её к себе жить. Но они не забрали. Да и деда Мороза никакого, как оказалось, нет. Им всегда одевался их сосед дядя Миша с грустными добрыми глазами, единственное для того, чтобы порадовать соседских малышей. Но она то уже не маленькая. Не верит в эти глупости.

Ми махнула рукой, прогоняя бабочек, и дернула за маленький, круглый выступающий белый шарик, бывший ручкой. Но ящичек не поддался. Чтобы его открыть, нужно было знать секрет. И Ми, на пару с Ленкой его давно разгадала. Девочка легонько стукнула острой худой коленкой по низу столика, дернула ручку вниз, затем налево, и ящичек выехал ей навстречу. Внутри него не было книги. Там был смартфон! Самый настоящий, плоский, чёрненький, сверкающий в призрачном свете луны как самый настоящий артефакт. Как нечто несбыточное, запредельное, из другого мира. Не их мира. Но чей он?

Ми осторожно провела пальцем по его гладкой поверхности, словно проверяя настоящий ли он, не показалось ли ей это всё, не решаясь взять посмотреть, размышляя. Он был самый что ни на есть настоящий – холодный от долгого одиночества и металлический. Бабушка Та не покупала девочкам телефоны, хотя деньги у них на это были и много.

Родители Ми щедро спонсировали их, перечисляя ежемесячно на счет бабушки огромную сумму денег на все их нужды. А кроме того ещё была пенсия бабы Та и Ленки. Но тем не менее телефон, настоящий, современный, был в их семье только у Бабушки. Он был уже не новый, потертый, в большом кожаном чехле и пах пирожками с капустой, потому что бабушка Та часто оставляла его на кухне, где постоянно что-то кипело и пеклось. А потом долго искала его повсюду, не находя и причитая, в то время как он не тронутый лежал всё на том же месте – на полочке, висящей над столом, накрытый полотенцем. Иногда вечерами они все вместе собирались перед смартфоном, когда бабушка звонила родителям Ми по видеосвязи в Бразилию, Мексику, Испанию. Да много ещё куда. Всё из-за папиной работы - они много путешествовали и в их жизни не было место детям.

В остальное же время телефона дети не касались. Впрочем, как и сама бабушка. Она была тверда в своем мнении и не разрешала им иметь смартфоны, считая, что они развращают, мешают учебе, а ещё от них портится зрение и они делают детей зависимыми и неуправляемыми. И разделяла их участь в добровольном отрезании себя от современного мира. Во всяком случае, так выглядело для них с сестрой.

Но Бабушке Та хорошо, все её друзья в пешей доступности, дочь на видео связи, море увлечений. И в целом в её окружении, возможно потребность в телефоне не была такой сильной, глобальной и важной как в их, детском мире, где

почти у каждого ребенка он был. И к дразнилкам по поводу имени, отсутствию родителей, прибавлялся ещё укор за странность, бедность, и не похожесть. Но бабушке этого было не объяснить. Она оставалась непреклонна вопреки всем их просьбам и слезам.

Хотя вот у Ленки телефон всё-таки был - старый, наверно принадлежавший когда-то ещё маме Ми, кнопочный. По нему можно было звонить и слать СМС. И всё. И сестра, хоть поначалу и не была рада такому подарку, всё же со временем привыкла. Это было лучше, чем совсем ничего.

А вот у Ми не было никакого телефона вовсе. На её робкое – «А мне?», сказанного в тот год, когда Ленке подарили кнопочный, бабушка только резко отрезала – «Мала еще.» С тех пор минуло уже два года, но больше девочка спрашивать не решалась. Пока.

Ми задумчиво разглядывала смартфон. «Чей же ты? Конечно, не бабушкин. Её лежит на кухне под полотенцем. Да и Ленка не смогла бы накопить с отложенных с завтраков денег столько чтобы хватило на... Хотя...» Мысль оборвалась, так как смартфон ожил. Ми резко одёрнула от него руку, решив, что это она своим неловким касанием привела его в движение. Но нет. На телефон просто пришло сообщение. Девочке было любопытно, она наклонилась, гоня из своей головы навязчивый нравоучительный голос бабушки Та – «Братъ чужое без просу нельзя. Подслушивать плохо. Хорошие девочки не читают чужие письма.» и жадно прочла: «Лена, я тебя

люблю. Б-Ка».

Озарение, улыбка, недоумение – все эти эмоции промелькнули на лице Ми, а в следующий миг она нахмурилась и закусила губу. «Это точно Ленкин телефон! Но откуда? И кто этот Б-Ка, который ей пишет?» Единственный кто приходил на ум и идеально ложился на эти инициалы был Борька Камнев, одноклассник Ленки. Он всюду таскался за сестрой, носил её рюкзак, держал за руку. А ещё они часто гуляли после школы, и в перерывах между Ленкиными занятиями музыкой и танцами. Но к ним домой никогда Борька не заходил. Ми про себя звала их не иначе как «тили-тили тесто, жених и невеста», но вслух этого не произносила. И было почему.

Бабушка Та его невзлюбила и не разрешала внукам с ним дружить. Будто чего-то опасаясь. В целом при всей строгости бабы Та, была она всё же старушкой доброй и в гости к ним часто приходили подружки сестёр, потому первое время Ми никак не могла понять, почему для Борьки вход к ним был заказан. Пока не подслушала, конечно, совершенно случайно вернувшись с улицы сильно раньше обычного, разговор бабушки с Ленкой на кухне.

Говорила в основном бабушка – громко и грозно, поэтому сама себя девочка убедила, что она просто не могла заткнуть уши и не слышать, а потому винить себя ей было абсолютно не в чем. Баба Та назвала отца Борьки уголовником. Что

значило это слово Ми не знала. Себе она объяснила, обыграв корень слова, что, наверное, он часто шкодил в детстве и потому его часто ставили в угол. Размышляя дальше, она решила, что может отец мальчика делает что-то запретное, запрещённое и сейчас, за что, наверное, получает наказание и теперь. Но Ми казалось это совершенно не возможным. И вот почему.

Семья Борьки жила в новом квартале в пентхаусе на последнем этаже с шикарным видом на город. У них было всё – любая техника, машины, телефоны, рестораны. Ну почти всё, кроме самого главного. Отец вёл свой бизнес в Москве и почти всё время вместе с новой женой находился там. А мать, родная мать Борьки и его старшего брата Лёньки умерла семь лет назад при очень загадочных обстоятельствах.

Говорили, что Олег Палыч отец братьев, перешёл дорогу какому-то очень влиятельному в их городе человеку, из-за чего и произошёл конфликт и перестрелка в модном ресторане, где и погибла мать ребят. Ну а после отец мальчиков уничтожил виновного в смерти жены человека и уехал жить в Москву. По слухам в этом ему сильно помогли давние знакомые, познакомился с которыми он ещё в ранней юности сидя в тюрьме. Так это было или нет никто не знал точно, но факт был на лицо – семь лет братья Камневы жили вдвоём в дорогом пентхаусе совершенно одни, без какого-либо участия в их судьбе взрослых. Сами по себе.

Олег Палыч никогда не навещался к сыновьям, но еже-

месячно переводил на их счета огромную сумму денег, которой хватало на всех их нужды и даже больше. При этом нельзя было бы назвать братьев мажорами: они не творили дичи, не гоняли по городу на дорогих машинах, не ввязывались в драки. Просто жили. Лёнке было уже двадцать один год. Он успел отслужить год в армии, вернулся и теперь гонял на байке носил косуху и казаки, коротко стригся и вообще производил впечатление жёсткого и грубого неформала. Но Ми знала, что это была только видимость и всё обстоит совсем иначе. А Борька учился в школе и был тихим и спокойным парнем.

Они с сестрой иногда бывали в гостях у братьев – обычно в те дни, когда бабушка Та репетиторствовала и просила девочек не мешать. Выбор у них на такие случаи был небольшой – либо тихо сидеть в своих комнатах, либо ходить в гости к соседской девочке Светке, Ленкиной подруге, либо к Борьке.

Когда она впервые оказалась в доме Камневых то очень испугалась – всё у них было новое, не такое как у них. В их старом доме все вещи – мебель, посуда, техника, телевизор было старое, ещё из прошлого века, а у Борьки с братом все блага цивилизации с другим, незнакомым, свежим ароматным запахом кофе и чего-то цветочного. Конечно как и все мальчишки братья были неряшливы, могли забыть кружку с засохшим чаем на стеклянном столике возле дивана, или разбрасывали одежду по всему дому, но это их совершенно

не портило.

Вот тогда-то она впервые и увидела Лёньку. Испугалась, конечно, поначалу – такой суровый и жёсткий на вид, он оказался на деле невероятно добрым и заботливым. Всегда смешил её, кормил обалденными блинчиками собственного приготовления, катал на шее. Может было так потому, что и ему, и Борьке, как и им с сестрой не хватало любви, ласки, чьего-то внимания. Как и у них, у ребят не было такого взрослого, которому было бы не всё равно, который бы сказал «всё будет хорошо», обнял бы, и ты ему поверил. С которым не страшно и не нужно быть всегда сильным. Поэтому, наверное, они так сильно потянулись друг другу – братья Камневы и сестры Вороновы.

Раздумывая о них, Ми поняла, что только Борька мог купить этот телефон и подарить его Ленке. Ведь он давно, тайно в неё влюблён. И не мудрено. Лена красивая и совсем не похожа на неё, Милану. Кожа у сестры тёмная, загорелая, прямые волосы шоколадного оттенка, длинные, с золотым отливом, тяжелой красотой падающие на её худые плечи, глаза тёмно-синие с зелеными прожилкам, тонкие губы, черные пушистые ресницы и соболиные брови. Ленка была худой и высокой с такими же острыми коленками и локтями как у Ми, но более плавными, мягкими формами. Она никогда не смеялась, всегда оставаясь загадочной и неприступной.

В школе за Леной бегали все мальчишки начиная с её род-

ного девятого «А» и заканчивая одиннадцатым классом. Но Ленка всем отвечала отказом. Ей было не до этого. Всем она говорила, что ей нужно много учиться, чтобы поступить в Питер в медицинский. Ко всему были ещё занятия танцами и музыкой, времени ни на что иное просто не было. Да и не нравился ей никто.

Для всех эта версия звучала, наверное, правдоподобно. Но на самом деле, всё было не так. Не объяснять же каждому встречному, в самом деле, что если бабушка застучает её с мальчиком, то ей влетит. И ладно если просто наказание в виде домашнего ареста и исправительных работ на кухне, но ведь могло быть и хуже. Баба Та грозилась перевести Ленку в закрытую школу на полный пансион, если та будет отвлекаться от учебы. И она могла это устроить вполне, имея до сих пор неплохие связи в мире образования.

Да, если честно, и медицинский был лишь прикрытием. В школе, где у бабушки были свои люди и её могли услышать, Ленка просто не могла быть откровенной. На самом деле девушка мечтала совсем о другом будущем. Как-то вечером Ленка по секрету на чердаке призналась сестре, что после школы уедет в Питер поступать в театральный ВУЗ. А медицинский – это голубая мечта бабушки Та. Когда-то давно она хотела, чтобы там учились её дочери. Но обе они выбрали другой путь и вот теперь внушки должны были занять их место. Это было несколько грустно – почти не иметь выбора, ориентируясь не на свои желания, а на представления о

тебе других людей. Пусть и родных. Но так уж было заведено в их семье – бабушка Та обладала неоспоримым авторитетом и, если она что-то решала или запрещала, то послушаться её было себе дороже.

И, если она сказала, что дружить с Борькой Камневым нельзя, то это табу, ну во всяком случае тебя с ним не должны видеть. А тут! Ми конечно знала, что они дружат, и сама часто бывала в гостях у братьев, но, чтобы Борька мог бы подарить такой дорогой подарок? Мог, конечно, деньги то были. Другой вопрос могла ли Ленка его принять? Выходит, что смогла. У неё как раз был день рождения месяц назад, в конце марта. Самый что ни на есть подходящий повод для такого подарка. Лучше и не придумаешь!

Ми взяла телефон в руки и повертела его, рассматривая. Он был большой, черный в прозрачном чехле с блестящей наклейкой с обратной стороны с изображением летящего чёрного ворона. Ми нажала на единственную кнопку, расположенную внизу по центру экрана. Он загорелся, освещая лицо девочки голубоватым свечением. На экране появилась заставка в виде зеленого поля, где вдалеке виднелись горы и река. Мигнули цифры электронных часов. Половина первого ночи. Ми поджала губы.

Нет, как бы не хотелось ей иметь такой телефон тоже, она не завидовала. Девочка была рада за сестру, но ей было обидно, что она скрыла от неё сам факт его существования, ведь обычно делилась всем. И Ми всегда честно хранила её сек-

реты. Ну почти. Один раз только бабушке проговорилась. По глупости, по малолетству. Но это когда было.

Девочка вздохнула. Наверняка пароль простой и она с легкостью смогла бы подобрать нужный. Но не хотелось. Ми коварно улыбнулась. Завтра она вдоволь помучает Ленку, намекая, пугая, волнуя так, что сестрица сама во всём признается. И, конечно, покажет ей телефон. "Там, наверное, и интернет есть и можно смотреть мультики и играть в игры!" - мечтательно вздохнула Ми и убрала телефон обратно в ящик. Жаль, что книгу не удалось найти. Взгляд Ми произвольно метнулся к высокому дому напротив.

В их городе причудливо сочетались постройки разных исторических эпох. Старые, обветшалые, одноэтажные домики стояли рядом с высокими современными зданиями. А в некоторых районах, как например было и у них, по одной стороне улицы стояли старинный купеческие домики, а на другой возвышались современные новостройки, загораживающие первые от солнца, лишая их возможности видеть его даже в утренние часы.

Напротив дома Ми как раз стоял один из таких – высокий пятнадцатизэтажный, с большими окнами и серыми стенами, взлетающий ввысь не хуже самолета. Но девочка не завидовала жителем новых домов. При всей наружной привлекательности, они были безликими, одинаковыми, без истории, неприятно пахнувшими свежим строительным материалом. Их же дом таил в себе тысячи неразгаданных секретов,

сотни запахов, миллион историй. А ещё у них бы чердак.

Взгляд девочки зацепился за детскую фигурку в окне напротив. Там был мальчик. Один. Он сидел на полу, обхватив ноги руками и рыдал. Она, конечно, не могла точно разглядеть его лица из-за расстояния, но была уверена, что он плачет. По тому, как мальчик вздрагивал, дёргал плечами, и слегка раскачивался, периодически вытирая кулаком набегающие слёзы.

Сердце Ми тревожно сжалось. Она знала, что с ним что-то случилось что-то плохое. Так не плачут из-за сломанной или пропавшей любимой игрушки. Совсем нет. Не на разрыв, не ночью в тайне ото всех. Почти совсем как Ленка тогда, давно. Ми нестерпимо захотелось к нему подойти, обнять, утешить, сказать - «Всё будет хорошо.» Но она не могла. Она даже не знала этого мальчика.

По виду он был старше её, уже школьник. Лет может девять, или десять. Светлые, растрепанные волосы, синий свитер, темные джинсы и голые ступни. «Кто ты?» - Еле слышно прошептала девочка в пустоту – «Как тебя найти?». Мальчик вдруг замер и посмотрел в сторону окна. Он заметил её? Мальчик быстро поднялся, а Ми в испуге, что её рассекретили шарахнулась в сторону, вжимаясь в стену и тяжело дыша с громко ухающим в груди сердцем.

Когда она наконец успокоилась и вновь решила выглянуть из своего укрытия, мальчика в окне уже не было. Он закрыл его шторой – серой, безликой, такой же как весь его

дом, а возможно и вся его жизнь. Ми вздохнула и пообещала себе найти этого мальчика и выяснить, почему он плакал.

Ким

Ми не выдала Ленку с её телефоном. На следующее утро, идя в садик за руку с сестрой девочка рассказала той о своей находке ночью на чердаке. Сестра не стала сердиться, но попросила не лезть в её дела и не рассказывать ни о чём бабушке Та, подтвердив только, что это действительно был подарок Борьки. Сообщение с признанием в любви от него она так и не прочитала. Парень испугался и прежде, чем настало утро, стёр его из мессенджера. Поэтому только Ми одна и знала о его тайных чувствах, а Ленке приходилось лишь догадываться.

Ми, конечно пообещала сохранить всё в секрете, а взамен сестра разрешала ей время от времени пользоваться телефоном. Теперь иногда вечерами девочка смотрела на чердаке мультики, или играла, а иногда они вдвоём смотрели музыкальные клипы, снимали друг друга на камеру в старинных платьях. Вот только показать эти снимки никому было нельзя – слишком велик был риск быть пойманными, если кто-то из взрослых их увидит. Потому новый общий секрет только сильнее сплотил сестёр Вороновых. Что же до того мальчика в окне, то здесь Ми неожиданно для самой себя весьма преуспела.

На следующий день, гуляя во дворе своего дома с братьями Максимовыми, которые постоянно её дразнили, остава-

ясь при этом друзьями, она вдруг увидела как подъездная дверь дома напротив тяжело раскрылась, скрипя всеми своими новым механизмами, выпуская наружу того самого мальчика из окна напротив. Одет он был так же, как и ночью, только на ногах были чёрные кеды, рукава свитера скручены до локтя, на голове рваная синяя кепка, надетая задом наперед. В руках он держал мусорный пакет. Мальчик, нахмурившись двинулся вдоль дома в их сторону. Не трудно было догадаться о конечной цели его маршрута - сразу за детской площадкой стояли мусорные баки.

Казалось бы, в новом доме должна была быть своя инфраструктура, но нет – в их городе в новые дома сначала заезжали жильцы, и лишь потом налаживалась комфортная жизнь. Не было у них пока ни своих мусорных баков, ни детской площадки, даже первые этаже с большими плакатами с надписью «Аренда помещения» всё ещё были не заняты магазинами и парикмахерскими. Вот и приходилось новым жильцам временно перезагружать налаженную систему старых домов, напрягая коммунальные службы.

А мальчик тем временем уже поравнялся с качелями, на которых сидела Ми, улыбающаяся только что сказанной Петькой шутке про кузнечика, и вдруг застыл напротив неё в изумлении. В тёмно-синих глазах его мелькнуло узнавание и удивление, чёрные брови на миг взлетевшие вверх под светло-русую челку, быстро вернулись в прежнее хмурое положение. На левой скуле его белел тонки белый шрам, из-за

напряженно крепко сжатых зубов ярко выделяющийся сейчас, нижняя губа разбита, правая рука забинтована, в левом ухе маленькая сережка-колечко. Едва Ми успела разглядеть его, в растерянности лишившаяся дара речи, как мальчик уже отвернулся и быстро зашагал к бакам.

-Эй! - Ми спрыгнула с качелей и побежала за ним вслед.

Петька с Ваней недоуменно переглянулись.

- Постой!

Ми догнала его только у мусорки. Мальчик остановился и хмуро на неё посмотрел.

- Чего тебе?

Девочка растерялась, отступая на шаг назад и обхватив одну руку другой перед собой. Мальчик был выше её почти на голову и ей приходилось смотреть на него снизу вверх. Судорожно глотая воздух, она наконец произнесла.

- Дружить... - Сердце бешено стучало в груди, не то от быстрого бега, не то от волнения. - Давай дружить. - Кивнула она.

- С тобой? - Мальчик засмеялся, обнажая верхние чуть неровные зубы. Она кивнула для убедительности. - Нет, извини, с малявками не дружу.

- Я не малявка. - Топнула девочка ногой, начиная сердиться, и сжимая повисшие вдоль тела руки в кулачки - Меня зовут Ми.

- Ми? - Не поверил мальчишка. - просто Ми? А полностью, наверное, Милалика? - Он продолжал смеяться и от

этого у него на правой щеке появилась очень милая ямочка.

– Или, может, Милана?

- Нет. - Сердито зашипела девочка. - Ми. Просто Ми.

- Как нота что ли?

- Сам ты нота! - Ми начинала закипать, безостановочно топя ножкой. - Бабушка Та, говорит обзывать плохо.

- Бабушка Та?! - В конец развеселился мальчик. - У вас точно вся семья с приветом. А маму и папу, наверное, зовут До и Ре?! - Он уронил свой пакет на землю, хватаясь за живот.

- Не смешно! - Ми выставив руки вперёд перед собой и со всей силы в ярости толкнула мальчишку в живот, но тот лишь качнулся от её удара, хватая девочку за руки, останавливая нападение. - Ты чего, мелюзга? Вроде же дружить хотела, а теперь в бой кидаешься?!

- Потому что ты - дурак.

- Ну и отлично. Тебе же лучше. Может теперь отвянешь быстрее от меня.

- Не отвяну. - Вырвала свои руки из его девочка, скрепя их на груди и испепеляя мальчика взглядом.

- Сказал же, с малявками не дружу. - Он насмешливо покосился на её суровую моську. - Тем более с такими воинственными. - Но озорная улыбка при этом никак не хотела сходить с его лица, оставляя его образ дурашливым.

Ми отступила на шаг назад.

- Я не воинственная. Я просто, просто...

Нужные слова никак не хотели находиться. Мальчик наклонился, поднимая, свой пакет и наконец бросая его туда, где ему было самое место. А Ми всё никак не могла придумать что делать дальше. Ведь он же сейчас уйдет, шанс подружиться будет упущен.

- Я видела тебя ночью. - Вдруг выдала Ми и вжала голову в плечи, впиваясь ногтями в ладони, как делала в всегда, когда волновалась, в ожидании наказания за содеянный проступок. Почему-то она знала, что сказанное ему не понравится.

И правда - плечи мальчика внезапно поникли, голова опустилась чуть ниже, словно он прислушивалась к каждому её слову.

- В окне. Ты плакал.

Мальчик обернулся. В его глазах больше не было веселья, они были встревоженными и метали молнии. Но Ми отчего-то наоборот стало спокойно. Он наконец сбросил маску равнодушия и дерзости, на миг оказавшись настоящим, ключим, уязвимым, но не злым. И девочка внезапно расслабилась, глянула прямо в его синие глаза своими зелёными.

- И что? - Хрипло выдохнул он голосом больше похожим на собачий лай. Напряжённо вглядываясь в её лицо. Совсем в этот момент не похожее на детское.

- Тебе было больно. - Ми кивнула для большей убедительности.

- Тебе показалось. - Резко оборвал он, развернулся и быст-

ро зашагал прочь.

- Стой! - Бросилась Ми следом. - А как же дружба?!

- Сказал же, с малявками не дружу. - Резко бросил он не оборачиваясь.

- Но я не малявка! - Девочка обогнала его, вставая прямо перед ним, перекрывая ему дорогу. - Меня зовут Ми! - Упрямо повторила она.

- Ладно. - Устало протянул мальчик с таким выражением лица, словно произнося: "и чего прицепилась?". Ну, разве что глаза не закатил. И на том спасибо.

- И как ты себе это представляешь?

- Что? - Не поняла девочка.

- Нашу дружбу?

- Ну, будем играть вместе, гулять, ходить в гости. - Девочка запнулась. Бабушка Та точно не обрадуется, если Ми приведёт домой этого хмурого мальчишку. Но слова эти вырвались прежде, чем она успела их осмыслить и назад забирать было уже поздно.

- Окей, Ми. - Согласился он, немного подумав. - Будем дружить. - Внезапно мальчик подошёл к ней ближе, совершенно сократив расстояние между ними. - Но с условием. - Он криво улыбнулся, наклонившись к её уху, обдавая кожу своим теплым дыханием, от чего она вздрогнула. - Мы никогда не будем говорить о том, что ты видела ночью.

Глаза Ми широко распахнулись, и без того большие, от удивления они стали как блюдца. Сердце испуганно и одно-

временно радостно билось в груди.

- Хорошо. - Шёпотом ответила она.

Правда она вряд ли сдержит данное обещание. Чрезмерно любопытная её натура рано или поздно победит в любом случае. К тому же они не скрепили обещание особым рукопожатием как делали всегда с сестрой. Так что, может, это и не считается?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.